

ТАЛАНТ, ПОМНОЖЕННЫЙ НА ТРУД

Творческие
портреты

...Тишину сумрачного пролета штрека нарушил шум шагов и людских голосов. Смена поднималась на-гора. Свет от лампочек на шахтерских касках вырывал из темноты черные от угольной пыли лица и белозубые улыбки.

— Спой что-нибудь, Коля, — попросил своего приятеля, широкоплечего парня в робе, молодой забойщик. — Наше, русское.

Тот не любил, чтобы его долго упрашивали. И вот под аничным сводом старой горной выработки загремел, наливаясь металлом, мощный бас.

— Логутенко поет. Артист! — восхищенно говорили шахтеры. — Вот так голос!

Он хотел стать настоящим певцом. Но шла война. Училище, консерватория откладывались до лучших времен. Пел он всегда и везде: дома, в клубе и там, под землей, в шахте. Что пел? Все, что слышал по радио. Жадно ловил каждый звук, запоминал, а потом пел...

А когда, спустя несколько лет, в кабинет начальника участка прокопьевской шахты «Черная гора» вошел электромеханик Николай Логутенко и положил на стол заявление с просьбой отпустить его в музыкальное училище, тот и слышать не хотел.

— Да ты что, Николай, совсем доканать меня хочешь? Участок план не выполняет, механизмы барахлят, а ты — петь! Нет, голубчик, не надейся. А впрочем... — подумав, добавил он, — отпущу. Только прежде вот тебе мое условие: наведешь на участке полный порядок, механизацию там подтянешь и прочее, тогда иди, пой. Зеленая тебе улица в искусство.

Логутенко принял условие и выполнил его. Пасовать перед трудностями не в его характере.

...1955 год. Весна. Казалось, вся Украина, молодая, голосистая, съехалась сюда, в Киевский оперный театр, на заключительный тур конкурса вокалистов — выпускников республиканских консерваторий.

Николай Логутенко, питомец Харьковской консерватории, расположил к себе симпатии придирчивого жюри конкурса красотой и силой своего голоса, проникновенностью исполнения. Не успел он закончить арию Сусанина и пройти за кулисы, как кто-то подошел к нему и сказал:

— Вас ждет в своем кабинете директор киевской оперы.

— Хотите петь в нашем театре? — спросил В. П. Гонтарь молодого певца. Выступить на прославленной академической сцене — об этом можно было только мечтать.

Но не проходит и семи месяцев, как Логутенко уезжает в Новосибирск. Молодые товарищи по сцене так и ахнули, узнав об этом. Ведь у него так удачно складывалась сценическая судьба. Ему не пришлось, как часто случается с молодыми певцами, годами сидеть на крохотных партиях слуг и безымян-

ных персонажей. В первый же сезон он спел Гремина в «Евгении Онегине» и короля Рэне в «Иоланте» Чайковского, Кончака в «Князе Игоре» Бородина. Но не знали друзья, как тянуло Николая в родную Сибирь.

— ...А сейчас я покажу тебе мои снимки, — сказал мне гостеприимный хозяин после затянувшейся допоздна беседы. Входим в просторную комнату. У стены — шкаф, битком забитый проявителями, закрепителями, фотобумагой, пленками. На столе — фотоувеличитель необычной конструкции.

— Сам сделал, — поясняет Николай Иванович. — А это тоже моя работа, — добавил он и протянул стопу пухлых альбомов с фотогра-

и распевность. Тембр голоса меняется в зависимости от обстоятельств, в которых оказывается Сусанин. По-домашнему теплый, мягкий в сценах с детьми — Антонидой и Ваней. Но вот в дом ворвались враги. И совсем иные интонации зазвучали в репликах Сусанина — Логутенко — колючие, жесткие или притворно-подобострастные.

Диапазон голоса Н. Логутенко таков, что он поет партии и высокого, и низкого баса — Галицкого и Кончака в «Князе Игоре». Не каждый баритон отважится петь сложнейшую партию Голландца в опере Вагнера «Летучий Голландец». А Логутенко спел ее.

А совсем недавно он выступил в партии Лепорелло в опере Моцарта «Дон-Жуан». Комическую роль изворотливого пройдохи-слуги Дон-Жуана артист сыграл с хорошим чувством юмора. Десятки различных оттенков прозвучали в знаменитой арии Лепорелло с каталогом красавиц, чьи сердца похищены Дон-Жуаном.

Артист трудолюбив, и в этом секрет его творческих достижений. Но он умеет и отдыхать, придерживаясь правила: лучший отдых — в перемене занятий. Он часами может просиживать в своей фотолaborатории. А выдастся свободный от репетиций и спектаклей день, и Николай Иванович отправляется на Обское море рыбачить. Или в сибирскую тайгу с ружьем за спиной. Он — страстный охотник и рыбак.

...Дома на рояле появились новые клавиры. Н. Логутенко готовит новые партии — Присыпкина в опере молодого советского композитора Э. Лазарева «Клоп» по мотивам одноименной феерии В. Маяковского и сольную басовую партию в «Патетической оратории» Г. Свиридова.

...Призывно мерцает огонек миниатюрной шахтерской лампочки. Она всегда здесь, на рояле, — этот скромный, но дорогой, памятный подарок мастеров угля Кузбасса своему земляку, мастеру оперной сцены Николаю Логутенко. Свет лампочки словно зовет к труду, к новым поискам, к новым творческим радостям.

А. АНТОНОВИЧ

Н. И. ЛОГУТЕНКО в роли князя Галицкого в опере «Князь Игорь».

фиями. Сибирские пейзажи, портреты актеров, сцены из спектаклей.

Портретная галерея Логутенко многолика. Сколько партий спето, столько и портретов, больших, в натуральную величину. И нет двух похожих лиц, хотя актер один и тот же, только в разных костюмах и гриме.

— А как же иначе, — говорит Николай Иванович. — Мои герои — люди разные. Зрители не должны узнавать артиста на сцене. Он должен в каждом новом спектакле перевоплощаться, быть новым, другим.

Седой старик с обезумевшими от горя глазами — это Мельник из оперы Даргомыжского «Русалка», одна из лучших и самых любимых партий Н. И. Логутенко. А вот князь Галицкий из «Князя Игора» — писанный красавец и кутила. Стрелецкий батька Иван Хованский, весь в мехах и дорогой парче, маскирующий за внешней импозантностью внутреннюю пустоту спесивой и вздорной натуры («Хованщина» Мусоргского). Безысходная скорбь застыла в голубых глазах, в морщинах на лбу Летучего Голландца, обреченного на вечное одиночество скитальца. И по контрасту — Фарлаф из оперы Глинки «Руслан и Людмила». Масляные глазки, нафабранные усы, огромный нос картошкой. Горько-богатырь слушает иронические замечания княжны, принимая их за комплименты.

Но грим лишь одно из изобразительных средств, находящихся в арсенале оперного артиста. Чтобы раскрыть самую суть образа, диалектику души героя, нужны краски вокальные.

Поет Логутенко Сусанина в опере Глинки, в его голосе — широта